

*Посвящается Альберику, *mi cielo, mi vida**,
и, конечно же, Фриде де Гайардон*

* Мои небеса, моя жизнь (*исп.*).

*Я хотела бы нарисовать тебя, но не хватит
красок — все цвета ушли на мое смущение.
На четкий силуэт моей огромной любви.*

Фрида Кало, посвящено Диего Ривере, 1953

*Через литературу едва ли можно выразить
весь тот внутренний шум, что наполняет
нас, да и к тому же не я виновата,
что в моей груди вместо стука сердца
слышен шум сломанных часов.*

Фрида Кало, письмо к Элле Вольф, 1938

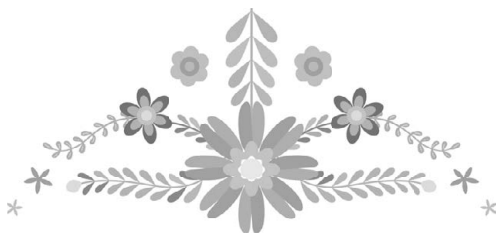
ЧАСТЬ I

Мехико, 1928

СИНИЙ

*Свет и чистота. Любовь. Расстояние.
И нежность бывает такого синего цвета.*

Из дневника Фриды Кало

ТЕНАРОВА СИНЬ

Она видит только его, хотя даже на него не смотрит.

Он постоянно резвится где-то по углам, почти вне поля ее зрения. На той тоненькой грани, где не столько видишь, сколько чувствуешь. Принимает причудливую форму: то ли бегемота, то ли осьминога с завораживающими щупальцами, и если его масса где-то разливается, то заражено все пространство. Трофей из цирка, который любая женщина с охотой прицепила бы себе на корсет и уколола бы булавкой свое девственное тело. Ловкость этого слоноподобного мужчины неестественна, лишний вес розовой плоти только придает ему невероятную гибкость и скорость его твердому, как камень, достоинству; он мгновенно возбуждает в каждой непреодолимое желание окунуться в запретное. Хотя эти же дамы готовы признать: как шлейф духов, пьянящих, дурманящих, Диего Ривера, словно колдун, притягивает к себе слабый пол — при виде него они забывают

стыдливость, выпячивают грудь и вспоминают первобытный инстинкт совокупления.

Когда с ним общаешься, то начинают плясать родинки, поднимается на октаву настроение, проявляются наглые черты характера и давно забытое бесстрашие накаляется. Потрескивает огнем. Одно только его присутствие заставляет забыть об эротизме прекрасных говорунов и красоте хорошо сложенных тел. Он притягивающий и притягательный. Наблюдая за ним, Фрида думает о ярких пятнах, из-за которых приходится часто моргать, эти пятна не перестают прыгать перед глазами, даже закрытыми; свет фар, несущий в себе опасность, так поразил сетчатку ее глаза, что, даже моргая, она все равно их видит. И как только аура этого монстра искрится афродизиаками? Диего, он ведь уродлив и уродства своего не скрывает, сам же над ним насмехается. Это вкусное уродство разжигает аппетит; хочется впитаться в огромное пузо, заполнить им глотку, перепачкать зубы, облизать жирные пальцы, провести языком по тусклым, слишком выразительным глазам, между которыми слишком большое расстояние.

Она внимательно рассматривала величайшего художника Мексики, но, оторвавшись от него, прошлась взглядом по остальной компании — бесформенной, дурманящей массе, состоящей из всех